

ISSN 2307-4671

Журнал основан в 2007 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ЛАБОРАТОРИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ
И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

АЗИАТСКИЙ ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЭТНОЛОГИИ
И МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ МОНГОЛИИ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ВЫПУСК VIII

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2015

Главный редактор:
доктор исторических наук **П.К. Дашковский**

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Л.Н. Ермоленко**;
доктор культурологии **Л.С. Марсадолов**;
доктор исторических наук **Т.Д. Скрынникова**;
доктор философских наук **О.М. Хомушку**;
доктор исторических наук **Л.И. Шерстова**;
доктор исторических наук **С.А. Яценко**

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. – Вып. VIII. – 316 с.: ил.
ISSN 2307-4671

В журнале представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и в период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, новым религиозным движениям, а также особенностям государственно-конфессиональной политики.

Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей религий и культуры народов Азии.

Издание подготовлено и издано при частичной финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001a/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»)

© Оформление. Изд-во Алтайского
госуниверситета, 2015

ISSN 2307-4671
The journal was Founded in 2007

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ALTAI STATE UNIVERSITY
LABORATORY OF THE ETHNOCULTURAL AND RELIGION
SCIENCE RESEARCH
ASIAN EXPERT-ANALYTICAL CENTER OF ETHNOLOGY
AND INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION
HOVDSKIY STATE UNIVERSITY
MINISTRY OF EDUCATION, CULTURE AND SCIENCE OF MONGOLIA

**THE WORLDVIEW OF THE POPULATION
OF THE SOUTH SIBERIA AND CENTRAL ASIA
IN THE HISTORICAL RETROSPECTION**

VIII ISSUE

Barnaul – 2015

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (Doctor of Historical Sciences)

Editorial board:

L.N. Ermolenko (Doctor of Historical Sciences);

L.S. Marsadolov (Doctor of Culturological Sciences);

T.D. Skrynnikova (Doctor of Historical Sciences);

O.M. Homushku (Doctor of Philosophic Sciences);

L.I. Sherstova (Doctor of Historical Sciences);

S.A. Yatchenko (Doctor Historical Sciences)

The worldview of the population of the South Siberia and Central Asia in the historical retrospection / Ex. editor P.K. Dashkovski. – Barnaul, 2015. – VIII issue. – 316 p.

In the collection of the papers the results of the research of the various world view system of the people lived on the territory of the South Siberia and Central Asia in ancient times, in the epoch of the Middle age and in the period of the ethnographical present. Series of works are devoted to the research of the religious beliefs and rituals of the modern and traditional societies, new religious movements as well as the features of the state-confessional relations.

The book is directed towards the specialists of the religious study, historians, archaeologists, ethnographers, specialists on the cultural studies and everyone who are interested in the history of religions and culture of the people of Asia.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ

<i>Вадецкая Э.Б.</i> Вышивка из зубов соболя на погребальных одеждах населения окуневской культуры.....	7
<i>Дашиковский П.К.</i> Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II.....	20
<i>Илюшин А.М.</i> Кенотафы и полукенотафы в культуре кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины.....	29
<i>Кожя М.Б.</i> Изображения Тенгри и Умай на резном дереве из Отрарского оазиса	34
<i>Король Г.Г.</i> Мотивы летящей птицы и крылатой богини в средневековой торевтике и традиционное наследие народов Саяно-Алтая.....	47
<i>Миягашев Д.А.</i> Окуневские святилища в контексте изучения культовых мест Сибири.....	63
<i>Мунхбат Д.</i> Первые формы религиозных верований, возникших среди древних монголов	73
<i>Нуржанов А.А., Муратова С.Е.</i> Религиозная толерантность как система взаимоотношений мировых религий на территории средневекового Казахстана (VI–XIII вв.).....	79
<i>Рыбаков Н.И.</i> Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея: VIII–X вв.	93
<i>Серигов Ю.Б.</i> Мегалитические культовые объекты древнего Урала	101
<i>Терновая Г.А.</i> К вопросу о культе огня в погребально-поминальной обрядности средневековых жителей Семиречья (по материалам археологии).....	122

Раздел II. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Атдаев С.Д.</i> Традиции охраны и сбережения водных ресурсов у туркмен.....	138
<i>Гельдыниязова О.А.</i> Символика казана у туркмен	152
<i>Монгуш М.В.</i> Христианские общины Тувы: краткий очерк	159

<i>Осмонова Н.И.</i> Слово как символ в традиционной культуре кыргызов	175
<i>Тишков Ю.В.</i> Святилище «Семь менквов» в мифологических представлениях народа манси	189
<i>Ямаева Л.А.</i> Реликты доисламских верований в погребальной обрядности башкир	202

Раздел III. ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Брежнева С.Н.</i> Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империей в Туркестане.....	211
<i>Волоснов Р.Ю.</i> Православные школы в сельской общественной жизни Алтая конца XIX – начала XX в.	223
<i>Дашковский П.К., Зиберт Н.П.</i> Особенности регистрации религиозных общин на территории Алтайского края в середине 1950-х – начале 1980-х гг.	230
<i>Дашковский П.К., Шершнев Е.А.</i> Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	242
<i>Жанбосинова А.С.</i> Кампания по изъятию религиозных ценностей в 20-е гг. XX в. как метод борьбы с культом	264
<i>Кацаева М.В., Белецкий А.Ю.</i> Состояние католических общин на Алтае в конце XIX – XX в.	276
<i>Почекаев Р.Ю.</i> От тамги к закяту. Торговые налоги в Средней Азии: между религией и правом (от державы Тимуридов до протекторатов Российской империи)	283

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

<i>Руденко К.А.</i> Рецензия на книгу: Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии	294
---	-----

Раздел V. ИНФОРМАЦИЯ О КОНФЕРЕНЦИЯХ

<i>Дашковский П.К.</i> Вторая международная научная конференция «Религия в истории народов России и Центральной Азии» в Барнауле	302
Список сокращений	307
Сведения об авторах	309

П.К. Дашковский, Е.А. Шершнева
Алтайский государственный университет, Барнаул
**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***

Исследуются основные аспекты политики Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. в отношении мусульманского населения. Сложившаяся в рассматриваемый период четырехуровневая система государственно-конфессиональных отношений во главе с Русской православной церковью относилась к мусульманам, наряду с католиками, протестантами, буддистами и иудеями, ко второму уровню, так называемых *признанных терпимых* конфессий. Указанное обстоятельство во многом предопределяло противоречивость и непоследовательность государственной политики по отношению к мусульманским общинам. Несмотря на вмешательство во все сферы общественной жизни, правительству так и не удалось полностью русифицировать мусульманское население империи. В Российской империи в рассматриваемый период не сложилось концептуальных представлений на систему конфессионального образования. Стремление к контролю мусульманского населения с помощью назначения приходского духовенства привело к нехватке лиц мусульманского духовного звания в российской армии. Не удачна была попытка и христианизации инородческого населения, чему свидетельствуют процессы массового перехода с конца XIX в., а особенно после Указа 1905 г., в мусульманскую веру. Не способствовало укреплению позиций государства в мусульманской среде и назначение высшего духовенства, поскольку подобного рода действия способствовали в определенной мере обострению государственно-конфессиональных отношений. В конечном итоге проводимая государством конфессиональная политика в отношении мусульманских народов привела в начале XX в. к активному отстаиванию ими своих прав и своеобразному положению в государстве.

Ключевые слова: *Российская империя, государственно-конфессиональная политика, мусульмане, Сибирь.*

В XIX в. Российская империя выработала особую систему государственно-конфессиональных отношений, составной частью которой являлось мусульманское население страны. Сама система включала в себя четыре иерархических уровня. Высший уровень конфессиональной структуры занимала Русская православная церковь. На вто-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ-МинОКН Монголии (проект № 13-21-03001а/G, тема «Этнокультурные и политические процессы как факторы исторической динамики религиозной ситуации в трансграничном пространстве юга Западной Сибири и Западной Монголии»).

рой ступени располагались так называемые *признанные терпимые* – католики, протестанты, мусульмане, буддисты и иудеи. Следующее звено иерархии составляли «терпимые непризнанные», представленные преимущественно старообрядцами. Наконец на низшей ступени располагались «непризнанные нетерпимые», к которым относились, например, такие группы, как хлысты, скопцы (Основы политики Российского государства..., 2009, с. 183–184). Исходя из соответствующего расположения религиозной организации или группы в данной иерархии, с ней выстраивались особые отношения со стороны государственной власти и Русской православной церкви.

Российское правительство стремилось к идее централизации контроля над конфессиями, которая была реализована еще в начале XIX в. с учреждением в 1832 г. Департамента духовных дел иностранных исповеданий, вошедшего в состав Министерства внутренних дел. Обязанностью данного органа было проведение политики терпимости, насколько она была возможна в интересах государства (Васильев Д.В., 2005). Документом, которым следовало руководствоваться Департаменту, а также в котором было зафиксировано юридическое положение религиозных общин, действующих на территории Российской империи, становится «Свод учреждений и устав управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных», изданный в 1896 г. Отдельная глава данного Устава посвящалась духовным делам мусульман.

Следует обратить внимание на то, что мусульманская вера в определенной степени рассматривалась правительством как угроза самодержавной власти, а не только как чужеродное православному государству вероисповедание. Такое отношение было вызвано в первую очередь Крымской войной середины XIX в., которая привела к недовольству со стороны мусульманского населения и массовому возвращению новокрещенных мусульман в свою родную веру. Политика империи тем не менее не предполагала насильственного искоренения ислама как религии (Алексеев И.Л., 2002, с. 34). Во второй половине XIX в. еще более ослабевает контроль со стороны государства за мусульманскими народами. К тому же внешнеполитические события (Крымская война) усилили влияние исламского фактора. В мусульманской среде зарождаются идеи братства мусульманских народов и поддержки инородцев Российской империи их единоверцами из-за рубежа. Усиление мусульманского компонента в государстве в определенной степени подтверждается данными о бесконтрольном строительстве мечетей. Так, в 1866 г. только в Поволжье числились 244 незаконно существующие мечети (Тихонов А.К., 2007, с. 60–65).

Особое место в конфессиональной политике Российского государства занимало положение сибирских «инородцев». Вопросы, регламентирующие их положение, были составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в конфессиональной сфере в азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди «инородцев». Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции, а также важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга (Дамешек И.Л., 2005, с. 257–266).

Важная роль в христианизации инородческого населения в Сибири отводилась Алтайской и Киргизской духовным миссиям. Русская православная церковь в России, как часть государственного организма, взяла на себя задачу по унификации инородческого населения и приведения его к единой государственной вере. Однако, несмотря на все попытки церкви по привлечению мусульманского населения, крещение в мусульманской среде так и не приняло массового характера. Важно отметить, что принятие христианства среди инородцев изначально носило поверхностный характер (ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 135, л. 10–10об.). К тому же мусульмане очень ревностно относились к соблюдению своих традиций, и миссионеры вынуждены были ограждать новокрещенных от воздействия инородческого населения (ГААК, ф. 164, оп. 1, д. 14).

Особенно сложной была конфессиональная ситуация в пограничной зоне, поэтому политический фактор играл здесь едва ли не первостепенную роль в развитии православного прозелитизма среди инородцев. Именно антиисламская составляющая обозначалась как приоритетное направление в деятельности Алтайской духовной миссии. И чем крупнее становилось казахское сообщество на Алтае, тем больше деятельность миссии усиливалась в этом направлении (Октябрьская И.В., 2005, с. 82; Октябрьская И.В., Осипова Л.П., Нечипоренко О.В., 2001, с. 29).

Процесс снижения активной христианизации мусульманского населения Сибири отмечается уже с начала XIX в. Данное явление связано с притоком ссыльных (мусульман) из европейской части России (Шерстова Л.И., 2000, с. 106; 2005, с. 124). Однако, несмотря на все эти процессы, ни правительство, ни представителей церкви не покидала идея создания моноконфессионального государства с размытыми национальными границами. Во второй половине XIX в. начинает

вестись теоретическая разработка миссионерской программы. Основные положения программы были изложены архимандритом М. Глухаревым и заключались в воцерковлении инородческого населения и его просветительстве на основах христианской морали, при сохранении языковой самобытности (Глухарев М., 1894).

Начиная с 80-х гг. XIX в. отношение к исламу в Российской империи становится более жестким, в результате чего принимается ряд мер, ущемляющих свободу духовно-религиозной жизни. Были введены ограничения на создание просветительских обществ, на совершение паломничеств в Мекку (Султангалиева А., 2007, с. 14). На протяжении всего XIX в. наблюдается перестройка церковного управления в Сибирском регионе. В рамках подобного рода изменений количество епархий в Сибири с 5 в 1840 г. увеличивается до 11 к началу XX в. Определенное распространение получают и миссионерские станы (Сибирь в составе Российской империи, 2007, с. 14; Дамешек И.Л., 2005, с. 260; Октябрьская И.В., 2008, с. 347). К середине XIX в. утверждаются новые, более упрощенные правила перехода в православие. По этим правилам священники могли крестить без предварительного разрешения российских властей. При крещении детей отменялось разрешение родовых старшин. Для детей в возрасте 14 лет не требовалось согласия родителей (Лысенко Ю.А., 2010, с. 37). Важно отметить, что принятие христианства среди инородцев изначально носило поверхностный характер. Особой проблемой обращения мусульман в православие было неприятие мусульманами христианской догматики. Приняв православие, мусульмане зачастую остаются верны своим традициям. Именно упрощенная и формальная процедура принятия христианства уже меньше чем через полвека приведет к массовому отпадению инородческого населения из православной церкви, что станет для нее одной из проблемой. Не имели права священнослужители и наказывать нежелающих исполнять религиозные обряды. В «Уставе духовных дел иностранных исповеданий» говорилось о том, что духовенство имеет право только с помощью убеждений обращать инородцев в христианское вероисповедание. Священники должны были обращаться в инородные управы, чтобы волостные начальники принудили к исполнению христианского долга инородца, уклоняющегося от соблюдения религиозных обрядов (Конев А.Ю., 2008, с. 319).

Важным событием в государственно-конфессиональных отношениях в Российской империи явилось принятие в 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости», разрешающим переход из православия в другие конфессии (Полное собрание законов..., 1908, с. 257–

262). С этого момента в определенной мере усложняется деятельность православных миссионеров, мусульмане начинают обращаться к миссионерам с просьбой о разрешении вести им проповедническую деятельность среди православного населения. Христианская проповедь начинает особенно агрессивно восприниматься в инородческой среде (Мавлютова Г.Ш., 2002, с. 195–197).

Нужно обратить внимание на то, что вопрос о переходе крещеного населения в мусульманскую веру становится одной из ведущих проблем, стоящих перед государством во второй половине XIX в. Мусульмане начинают массово писать прошения о возврате в родную религию. Факту возвращения к вере предков способствовала и непросвещенность новокрещенного населения в правилах православной веры. Правительство всячески стремилось вернуть отступников в православие и рассматривало этот процесс как дело государственной важности (ГАТО, ф. 170, оп. 2, д. 605, л. 1–3; д. 2564, л. 3–9). В связи с участвовавшими переходами из христианской веры в мусульманскую архиепископом Томским и Барнаульским 15 июля 1905 г. были установлены правила крещения евреев и мусульман. До совершения таинства крещения священник должен был, во-первых, изучить ответы о вере «как следует верить, жить и молиться». Во-вторых, необходимо было ознакомиться, насколько мусульманин знаком с учением о спасении души. Желая принять православие должен каждое воскресенье посещать богослужение, изучать молитвы и крестоположение. Мусульманин или еврей постом и молитвой должен приготовиться к принятию крещения. Кроме того, обязательным считалось посещение исповеди, на которой священник должен наставлять. Лишь после этого священник докладывал епархиальному начальству о желающем креститься и прилагал его расписку. После крещения на священнослужителя накладывалась обязанность внимательно следить за соблюдением всех правил (ГАТО, ф. 170, оп. 2, д. 3307, л. 20–21).

Несмотря на все принимаемые меры со стороны государства и Русской православной церкви, процесс возврата к вере предков был необратим, а количество крещеных татар, отступивших от православия, только увеличивалось. Не сдерживало этот процесс и то, что принявшие мусульманство крещеные татары становились в какой-то мере не совсем равноправной религиозной группой в Российской империи. На протяжении долгих лет данная группа населения вынуждена была бороться за свое право исповедовать ислам, а также разрешение быть причисленными к мусульманскому населению Русского государства (Шершнева Е.А., 2011, с. 215–218). Татары, желая поддер-

жать вернувшихся в исконное вероисповедание, организовывали материальную поддержку отпавшим из православия (Лысенко Ю.А., 2010, с. 133).

На данный процесс огромное влияние оказывали миссионеры и русское население, которое способствовало развитию фанатизма в мусульманской среде и отталкивало инородческое население своей враждебностью. По мнению Н.М. Ядринцева, посетившего Алтай в 1878 и 1880 гг., поддержка со стороны правительства зачастую порождала в самой миссионерской среде религиозный фанатизм, заглушая желание донести знание до инородцев и наладить их быт. Русское население не улучшало, а напротив – более пагубно действовало на быт калмыков и черных татар, все активнее заселяя Алтай. Захват земли русским населением приводит к голоду в среде алтайских инородцев (Ядринцев Н.М., 2003, с. 143). В 1878 г. в Барнаульском округе русские крестьяне и казаки в районе оз. Песчаного присвоили все земли и стали пускать на это место киргизов (казахов), сдавая им эти земли и продавая траву для скота (ГААК, ф. 3, оп.1, д. 545).

После предвзятого отношения со стороны церкви и правительства к мусульманскому населению сложно ждать от него в ответ благосклонности, и не удивительно, что среди городского татарского населения получила распространение литература антирусского содержания, в которой оплакивалась зависимость татар от Российского государства и восхвалялись мусульманские народы. В этих рукописных тетрадях умолялось значение русского народа, внушалась надежда на торжество мусульман над неверными. Песни такого содержания пелись учениками в школах и дома, передавались из поколения в поколение. Кроме того, при проверке были обнаружены Константинопольские печатные издания, в которых излагались мысли враждебного содержания к русскому народу и государственному начальству (ГААК, ф. 181, оп. 1, д. 41).

Таким образом, политика Русской православной церкви начиная со второй половины XIX в. носит в определенной мере оборонительный характер в отношении мусульманского населения, всячески стремясь сохранить свою паству. В 1910 г. на миссионерском съезде в Казани был поставлен вопрос об отмене льгот отпавшим от православия в ислам. Зачастую именно экономические поощрения привлекали мусульман в православной вере. Например, с принятием православия мусульмане на три года освобождались от налогов, что было зафиксировано в Своде законов Российской империи (1912, т. 5, с. 75).

Следует отметить, что православно-мусульманские отношения в России, во-первых, складывались и воспринимались в государственной плоскости. Во-вторых, вплоть до Октябрьской революции 1917 г. этим отношениям был присущ вассально-сениориальный характер (Бессмертная О.Ю. и др., 2010). В связи с этим, рассматривая политику Русской православной церкви как орудие государственной власти в Западной Сибири и в особенности на Алтае, можно заключить, что именно из-за своей непродуманности она оказалась способной воспитать в мусульманской среде религиозный фанатизм и сопротивление правительству. Несмотря на активную проповедническую деятельность Русской православной церкви, количество мусульман, принявших православие, было незначительным.

По мере усиления интеграции народов Сибири в состав России, их адаптации к общерусским хозяйственным, культурно-бытовым, религиозным и иным традициям на них стали распространяться и иные податные обязанности (Дамешек И.Л., 2005, с. 257). Данные переписи 1897 г. показывают, что основная масса мусульманского населения была занята в аграрном секторе страны. Соответственно в этой сфере очень остро сталкивались интересы двух культур – мусульманской и православной.

Наиболее остро вопрос о положении инородцев в Западно-Сибирском регионе встает с введением в 1822 г. «Устава об управлении инородцев». Этот документ в доработанном виде вошел в «Положение об инородцах» (1892 г.) и фактически являлся важнейшим документом в Своде законов Российской империи, предназначенным для обеспечения рационального управления этносами, проживавшими на территории Российской империи. По «Положению об инородцах» предусматривалось причисление оседлых инородцев к русским деревням, в том случае, если количество душ в них считалось недостаточным для создания особой волости (Бакиева Г.Т., 2003, с. 52).

Реформы второй половины XIX в. ставили основной своей задачей формирование переселенческого земельного фонда путем изъятия этих земель из пользования «инородцев». В этот период территория Западной Сибири становится основным центром переселения. Особый приток переселенцев после 1861 г. отмечается в Томской и Тобольской губерниях. Переселенческая политика Российской империи крестьянского населения происходила часто в условиях захвата инородческих земель. Иногда инородцы сами составляли с пришлыми крестьянами приемные договора. Подобная ситуация произошла, например, в 1868 г. в Ургульских юртах Барабинской

инородной управы Каинского округа. В последующие годы крестьяне, уже не спрашивая дозволения инородцев, приняли к себе в поселок еще столько же душ пришлых крестьян, тем самым стеснив исконных владельцев этих земель (Шерстова Л.И., 2005, с. 150; Леттецкая О.М., 2005, с. 33).

Аграрные реформы XIX в. были направлены на уравнивание прав крестьянского и инородческого населения, а также на их слияние (Шерстова Л.И., 2005, с. 150). Со второй половины XIX в. в Российском государстве наблюдается определенное ужесточение политики в отношении мусульманских народов. В хозяйственном плане это выразилось в том, что аборигенное население должно было подчиняться общим крестьянским законам и учреждениям (Свод законов..., 1912, т. 2, с. 532). Особое недовольство в татарской среде вызвал указ 1861 г. «О преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири». Татары стремились всячески препятствовать объединению с русскими волостями по этому закону, поскольку они боялись лишения всех своих земель. Несмотря на это, в 1864 г. произошло упразднение инородных волостей с присоединением проживающего в них населения к русским деревням (Дамешек Л.М., 1986, с. 59).

Происходит и ограничение мусульманского населения в использовании сельскохозяйственных угодий (ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 545). По законам конца XIX – начала XX в. все земли принадлежали государству, а аборигенное население в свою очередь являлось только арендатором этих земель, и наравне с крестьянами в размере не более 15 десятин (включая все виды земель) (Сибирь в составе..., 2007, с. 213; Файзрахманов Г.Л., 2002, с. 339). Однако в связи с непрекращающимся притоком русского населения в Сибирь площадь земельных наделов начинает сокращаться. В Бийском округе, например, к 80-м гг. XIX в. вместо положенных по закону 15 десятин, надел составлял всего 13 десятин (Шерстова Л.И., 2005, с. 152). По закону «Об отводе частным лицам земель в Сибири», принятому 8 июля 1901 г., подтверждался запрет аборигенам приобретать землю в собственность (Полное собрание законов..., 1903, т. XXI, с. 614–617).

Принятый в 1822 г. «Устав об управлении инородцев» регламентировал систему управления аборигенным населением Сибири. До принятия данного документа аборигены имели свою издревле сложившуюся систему управления, так татары представляли замкнутую и обособленную общину, все вопросы в которой решались на общих сходах-собораниях. По новому закону в XIX в. татары должны

были создавать свои волостные управления. Во главе волостного управления, по принципу русских волостей, избирался волостной голова сроком на 3 года. Голова в свою очередь получал жалованье за службу. Однако данное государственное устройство было воспринято не всеми общинами, что в свою очередь не остановило продолжающейся реформы в сфере административного устройства сибирских татар (Бакиева Г.Т., 2003, с. 74–75). «Временное положение о крестьянских начальниках», принятое 2 июня 1898 г. (Полное собрание законов..., 1901, т. XVIII, с. 403–416), стало началом полного подчинения аборигенов общероссийскому законодательству. Согласно данному закону крестьянским начальникам поручался надзор за всеми установлениями крестьянского и инородческого самоуправления. Главной обязанностью чиновников стал контроль за нравственностью сельских жителей. Возросла роль крестьянских начальников в судебных делах коренного населения. Крестьянские начальники по этому закону наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления.

Реформы, проводимые в данном секторе, также получают конфессиональную окраску. Характер проводимых российским правительством реформ закономерно приводит к обострению в инородческой среде чувства этнического самосознания. Вера и культура для мусульманских народов Сибири становятся синонимами. Меры по реформированию сельских инородческих общин оказались безуспешными, в силу фанатичности татарского населения (Ядринцев Н.М., 2000; Томилов Н.А., 1993, с. 94). Сами мусульмане говорили о несостоятельности проводимых правительством реформ, так как, несмотря на совместное проживание с русскими, инородцы привыкли подчиняться единоверческому (мусульманскому) старшине, а не христианскому старосте. Увеличившейся приток мусульманского населения из европейской части России также способствовал укреплению ислама в инородческой среде.

Одним из ярких проявлений имперской политики в отношении народов Сибири конца XIX – начала XX в. стал вопрос о привлечении сибирских «инородцев» к отбыванию воинской повинности и наличии мусульманского духовенства в воинских частях.

Вопрос о присутствии в армии мусульманского духовенства неоднократно вставал перед государством еще со времен Петра I, когда начала комплектоваться профессиональная армия. В 1850 г. духовные лица были исключены из списков, подвергающихся телесному наказанию и рекрутской повинности. Однако что касается закона об осво-

бождении мусульманского духовенства от воинской повинности, то он действовал лишь до 1874 г. и был затем восстановлен в 1912 г. (Загидуллин И.К., 2006а, с. 68). После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности муллы обязаны были передавать сведения о рождении для привлечения граждан мусульманского вероисповедания к несению воинской службы (Наганова Н., 2006, с. 104).

Нужно отметить, что правительство видело важной проблемой удовлетворение «духовных потребностей» мусульман, служивших в вооруженных силах. В середине XIX в. в одних случаях в сухопутные войска специально назначался «военный мулла» (Указ от 18 октября 1838 г. о «военном мулле» Симбирского гарнизона), в других – «духовные требы» для «магометан военного ведомства» должен был, наряду с другими своими обязанностями, исполнять какой-либо «гражданский мулла» (Указ от 21 октября 1838 г., возлагающий подобные функции на одного из мулл Казани) (Сенюткина О.Н., 2006, с. 170; Дашковский П.К., Шершнева Е.А., 2012а, с. 24–29).

Однако российское правительство стремилось ограничить присутствие мусульманского духовенства в войсках, в том числе и путем поощрения военнослужащих, принявших православную веру (Полное собрание законов..., 1852, т. XXVI, с. 413). Более того, в 1896 г. были упразднены все штатные должности мусульманских духовных лиц, кроме Крымского и Дагестанского военных формирований. В результате чего 15 февраля 1906 г. в Уфе по инициативе муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания было собрано совещание мусульман духовного и светского звания по вопросу «Об устройстве духовного призрения мусульман-военнослужащих». Всего в совещание приняли участие 24 представителя мусульманской российской уммы. На собрании муфтий представил направленное им письмо Императору от 26 марта 1903 г., в котором говорил о неудобстве упразднения должности военных мулл. В письме было указано, что численность военнослужащих мусульман в Российской империи в мирное время достигает 40000 человек. После Указа 1896 г. об упразднении должности мулл в войсках и отмены им содержания на имя муфтия от солдат стали постоянно поступать жалобы об их угнетенном положении в армии. Связано это с тем, что некоторые люди даже после смерти остаются без напутствия (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 11, д. 484, л. 81–81об.). Мусульмане предлагали создать отдельные полки, состоящие из единоверцев (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 11, д. 484, л. 86об.), но данное предложение рассматривалось как невозможное и угрожающее интересам Российского государства.

По статистическим сведениям Главного штаба на 10 октября 1905 г. во всей армии насчитывалось 275 офицеров и около 30000 низших чинов, исповедующих ислам. Желание иметь муллу в своем военном округе высказали лишь командующие Варшавского, Киевского и Приамурского военных округов. Все остальные командующие не известили о необходимости наличия священнослужителя мусульманского вероисповедания в своих округах. По мнению военного начальства, поскольку в исламе нет ежедневных треб (исповедь, причастие), то и постоянное наличие в войске муллы необязательно. На совещании поднимался также вопрос о назначении очень низкого оклада муллам, который приравнивался к низшим военным чинам. В связи с этим было сделано предложение уравнивать мусульманских священнослужителей в материальном положении с полковыми священниками (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 11, д. 484, л. 84). К тому же, в начале XX в. штатные военные муллы не имели права снимать квартиру сроком до трех дней командировки, что разрешалось полковым священникам, а также муллам Крымского полка. Такой запрет лишал возможности нижние чины совершать общественное богослужение. К тому же и сам мулла не задерживался в части на продолжительный срок (Загидуллин И.К., 2006а, с. 79).

Лишь в 1908 г. жалованье мусульманского духовенства было приравнено к жалованью священнослужителей других вероисповеданий, а также предоставлялось право на пенсию. Однако обязанности муллы по-прежнему исполняли низшие военные чины. Военное ведомство и царская администрация призывали выбирать священнослужителей из своей среды. Мечети для военнослужащих Российской империи не были обыденным явлением. При этом съем жилья для пятничной молитвы был малоприспособленным для проведения культовых практик (Абдуллин Х.М., 2006, с. 209). Количество священнослужителей мусульманского вероисповедания увеличилось в вооруженных силах лишь с началом Первой мировой войны, и связано это было с возросшей потребностью исполнения треб.

Важным направлением государственно-конфессиональной политики являлся вопрос о взаимодействии власти и мусульманского духовенства. Само духовенство рассматривалось правительством как орудие для вовлечения мусульманского населения в состав Российского государства. Именно Оренбургскому магометанскому духовному собранию отводилась роль стабилизатора отношений между мусульманским населением и государственными властями, а его деятельность целиком была подчинена государственным интересам.

С начала XIX в. Оренбургское магометанское духовное собрание находилось под юрисдикцией Департамента духовных дел и иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи. Муфтий, возглавляющий данный орган, обязан был проводить ревизии подвластных ему приходов и отчеты по проведенной ревизии отправлять в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю., 2011). Со второй половины XIX в. законодательно было оговорено, что назначение муфтия в Оренбург производит министр внутренних дел с последующим «Высочайшим одобрением» царя. Таким образом, даже малейшие элементы демократических традиций в жизни Оренбургского магометанского духовного собрания были практически свернуты. Правительство не скупилось на личные награды как самому духовенству, так и членам их семей. В результате такого рода политики, проводимой государством, население видело в высшем мусульманском духовенстве прежде всего царских чиновников. Такое отношение к ним было не случайно, так как многие указные муллы были штатными чиновниками МВД (Алексеев И.Л., 2002, с. 37).

Со второй половины XIX в. вопрос о мусульманском духовенстве находился под пристальным вниманием правительства Российской империи, стремившегося сформировать совершенно новую религиозную структуру, которая стала бы верным слугой государства (Дашковский П.К., Шершнева Е.А., 2014б). Вводится необходимость прохождения испытаний духовными лицами при их назначении в Оренбургское магометанское духовное собрание, а уже затем утверждение губернскими властями. Данная система настолько затрудняла и затягивала процесс назначения духовного лица, что для того, чтобы получить должность священнослужителя, уходили месяцы, а иногда и годы (ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 521, 480).

Оренбургским магометанским духовным собранием выдавалось свидетельство, в котором указывалось духовное звание кандидата, передаваемое в Правление. Губернские власти, в том числе и в Западной Сибири, интересовала политическая благонадежность избираемого кандидата. Именно с этой целью делался запрос в Жандармское управление (ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 521, л. 87). Кроме того, Губернское управление предписывало Полицейскому управлению требовать от кандидата подписку о его непричастности к противозаконным обществам и сектам (Бакиева Г.Т., 2007, с. 167). Контроль за духовными лицами был достаточно строг и осуществлялся как со стороны Губернского управления, так и со стороны Полицейского управления, о чем можно судить из документов по Управлению Томской губернией

(ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 521). С целью контроля за мусульманами с 1867 г. от духовных лиц мусульманского исповедания требовалось обязательное знание русского языка (Воробьева Е.И., 1997). Указом от 16 июля 1888 г. были установлены требования образовательного ценза для духовных лиц мусульманского исповедания. По данному указу для определения ахунов и хатыпов в городах требовалось от них свидетельство о выдерживании испытаний по программе одно-классного начального народного училища. При утверждении на должность сельского муллы кандидат должен был представить свидетельство Уездных училищных советов о знании им русской разговорной речи и чтения. Для лиц, состоящих на службе по военному ведомству, необходимо было донести все эти правила через Военное министерство (Полное собрание законов..., 1890, т. VIII, с. 444). По мнению правительства, это позволит сблизить мусульманское и русское население, поглотив впоследствии мусульманскую его часть.

Однако, несмотря на всю сложность процедур избрания мусульманского духовенства, оно никогда не выделялось в отдельное сословие. Мусульманские священнослужители всегда оставались того сословия, из которого их избирали, со всеми теми же обязанностями, которые накладывались на него. Только по желанию общины можно было освободить его от установленных законом платежей и разделить их между собой. Не было назначено от государства и жалованье мусульманскому духовенству.

Содержание священнослужителей, как и культового здания, возлагалось на общину, либо если находился меценат, то именно он мог взять на себя обязанности по содержанию. Мечети занимали особое место в жизни общины, поскольку именно вокруг нее строилась вся жизнь. По традициям исламской культуры в каждом населенном пункте должна быть мечеть. Однако для того, чтобы построить мечеть и содержать при ней священнослужителя, необходимо было соблюдение норм строительства (одна мечеть на 200 душ мужского пола), а также чтобы прихожане в общественном приговоре изъявили желание содержания мечети и духовенства при ней. Процесс получения разрешения на строительство мечети был продолжительным и длился до года, а иногда и более (Азаматов Д.Д., 1999, с. 96).

Следует подчеркнуть, что неоднозначным было отношение к государственной политике и со стороны самого Оренбургского магометанского духовного собрания. В противовес проводимой государственной политики по отношению к мусульманскому духовенству 17 августа 1892 г. Оренбургское магометанское духовное собрание принимает постановление, которое определило, что совершением пятничной мо-

литвы может руководить любой общинник. При этом наличие установленного государством муллы признавалось не обязательно. По мнению представителей Оренбургского магометанского духовного собрания, государство при назначении мулл «преследует цели не столько религиозные, сколько правительственные» (Загидуллин И.К., 2006а, с. 97).

До конца XIX в. мусульманское население Российской империи ожидало, что муфтий сосредоточит свою деятельность на защиту гражданских и политических прав мусульман. Однако данным надеждам не суждено было сбыться. Уже с 1865 г. муфтиями назначаются лица, не имеющие духовного образования, которые тем самым теряют авторитет духовного лидера в глазах мусульманского населения. К тому же Оренбургское магометанское духовное собрание практически никогда не вступало в конфликты с властями даже в защиту мусульманского населения. В первую очередь, это касалось крещеных татар, вернувшихся в мусульманскую веру, права которых никак не отстаивались. Муллам запрещалось исполнять требы по просьбе данной категории татарского населения, а также пускать их в мечети. Подобного рода запреты не останавливали отпадающих из православия, поскольку они выбирали своих мулл из грамотных татар и собирались для молитв отдельно в домах. Не смущало их и то, что выбранные ими священнослужители не имели свидетельства от Оренбургского магометанского духовного собрания (Кобзев А.В., 2002, с. 55).

В связи с тяжелым материальным положением духовенства между ними складываются зачастую сложные отношения именно на почве корпоративных интересов (доходы от прихожан, семейная монополия в приходе, старшинство, соблюдение субординации) нередко происходили серьезные столкновения. Сама духовная должность, будучи «почти единственной возможностью», средством безбедного существования, являлась предметом постоянной борьбы. Основной доход священнослужителя составляла плата за требоисполнение, в связи с этим появление второго священнослужителя в приходе означало снижение жизненного уровня (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 3, д. 7440).

Тяжелое материальное положение приходского духовенства было связано с тем, что с 60-х гг. XIX в. правительство ввело положение, по которому общество обязывалось содержать как приход, так и священнослужителей при нем (Азаматов Д.Д., 1999, с. 67). К тому же и по мусульманскому праву каждый общинник должен жертвовать в пользу мечети десятую часть хлеба. Кроме того, каждый верующий должен по завершении поста дать мулле муку, денег и мясо, заготов-

ленные во время праздника Курбан-байрам (Бакиева Г.Т., 2003, с. 135). Однако, как можно увидеть из рапорта имама Тобольской губернии, «...прихожане его мечети ведут богопротивный образ жизни, в мечеть не ходят даже на праздник Ураза и не предоставляют необходимого по закону дохода» (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 11, д. 93). Таким образом, ограниченность в средствах порой приводила к состязательности в авторитете среди духовенства (Дашковский П.К., Шершнева Е.А., 2012б, с. 241–244), и не всегда способы этой борьбы были честными, а порой зависели еще от личного благородства и грамотности священнослужителя. В целом материальное положение основной части мусульманского приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX в. оценивается специалистами как бедное (Файзрахманов Г.Л., 2002, с. 370).

Нужно обратить внимание на то, что при возникновении разногласий на религиозной почве как священнослужители, так и общинники не ограничивались обращением только в Оренбургское магометанское духовное собрание. Не были исключением и обращения к губернским властям с целью отстранения муллы от занимаемой должности, что зачастую делалось незамедлительно (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 3, д. 5737).

Важное место в системе государственной политики Российской империи занимал вопрос о религиозном образовании. Он являлся одним из главных объектов разногласий между правительством и прогрессивными слоями мусульманского общества в XIX в. Мусульманские общины всегда большое внимание уделяли образованию. Система татарского образования включала два вида учебных заведений: медресе и мектебе (Нам И.В., 2000, с. 73). Данные школы целиком находились в ведении духовенства и заключали в себе получение конфессионального образования. В связи с этим духовенство играло важную роль в жизни мусульманского населения страны, придерживающегося религиозных традиций и обычаев (Духовные ценности ислама..., 2008, с. 39). По данным Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества известно, что мальчики изначально обучались у грамотных татар, сосланных в Сибирь на поселение. С момента построения мечети обучением начали заниматься муллы и муадзины. Данное образование получалось бесплатно и напрямую зависело от добросовестности общинников. Назначая учителя мектебе в приход, прихожане на сходе могли определить годовое жалованье учителя. Хотя в некоторых местностях определенного вознаграждения учителю общины не назначали, но зато пре-

доставляли право принимать подношения от учеников (Бакиева Г.Т., 2008, с. 98). Таким образом, оплата за обучение в разных местах была различной. Со второй половины XIX в. мусульманское школьное образование начинает активно развиваться. Так, в 1876 г. было открыто первое мусульманское училище в Томске. К 1893 г. на территории Томской губернии действовало уже три мусульманских школы (Томилов Н.А., 1980, с. 149). В деревнях Западной Сибири при мечетях открывались мектебе, которые соответствовали русской церковной школе грамоты (ГААК, ф. 81, оп. 1, д. 43. л. 6–7; Валеев Ф.Т., Томилов Н.А., 1996, с. 145). В учебных заведениях данного рода не было ни программ, ни учебников. Татарский литературный язык как предмет также не изучался. Обучение в таких школах сводилось к зазубриванию Корана и религиозных книг (Томилов Н.А., 1992, с. 183; Абаева А.З., 2002, с. 81).

Вплоть до 80-х гг. XIX в. все мусульманские учебные заведения в Российской империи существовали под названием «медресе». Начальные школы имелись почти при каждой мечети. Однако до 1874 г. они не подчинялись учебной администрации (Духовные ценности ислама..., 2008, с. 41). Обучение в мектебе велось 4–5 лет, однако бедное население оставляло школу уже через 1–2 года. Обучение девочек в отличие от мальчиков было непродолжительным. Приветствовалось также телесное наказание учеников и привлечение их к работе по дому муллы (Томилов Н.А., 1983, с. 146–147). Медресе имели более сложную программу обучения по сравнению с мектебе и поэтому считались учебными заведениями среднего и высшего уровня. Процесс обучения в медресе был достаточно длительным и зачастую достигал 15 лет. Целью данного учебного заведения была подготовка квалифицированного муллы. В медресе изучали и светские науки – математику, философию, медицину, логику, историю, географию и т.д. (Нам И.В., 2000, с. 74; Файзрахманов Г.Л., 2002, с. 363–364). Медресе были двух типов, в зависимости от того, по чьей инициативе открывались и на чьи средства содержались – частные и общественные (Валеев Ф.Т., 1993).

Правительство активно стремилось к ликвидации национального образования с помощью внедрения так называемых русско-иностранческих школ. Идея создания такого рода учебных заведений была разработана миссионером Н.И. Ильминским, которая была одобрена правительством и отражена в 1870 г. в правилах «О мерах к образованию иностранцев, относительно татар-магометан» (Бакиева Г.Т., 2008, с. 101). В 1874 г. было принято постановление, по которому все му-

сульманские школы, в том числе мектебе и медресе, передавались в ведение Министерства народного просвещения. Царское правительство, ведя такую политику в сфере образования, стремилось заручиться поддержкой со стороны самого мусульманского духовенства, что и было сделано достаточно успешно. Так, в своем наставлении муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания всецело поддерживает русское правительство. В этом обращении он обвиняет ахунов и мулл в незнании русской грамоты. Духовные лица, по его мнению, должны содействовать введению русской грамоты во вновь отрываемых при мечетях училищах (ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 607, л. 5).

В отличие от русских школ, мектебы и медресе практически полностью содержались за счет самого мусульманского населения. Дело в том, что, согласно различным правилам и инструкциям, мусульманские школы могли финансироваться лишь при условии открытия при них русских классов и подчинения их Министерству народного просвещения. Правительство всячески стремилось ограничить мусульманское духовенство в доступе к системе образования. Таким образом, Оренбургскому магометанскому духовному собранию было указано, что «образование не является прямой обязанностью духовенства и в законодательстве об этом ничего нет» (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 11, д. 347, л. 12; Свод законов..., 1912, т. 11, с. 135).

Обеспокоенность правительства в отношении зарождающейся в начале XX в. политической активности в мусульманской среде побудила приступить к активному реформированию системы конфессионального образования. В 1904 г. Министерством народного просвещения была организована комиссия по изучению состояния народного образования, возглавляемая тайным советником А.С. Буделовичем. По итогам проведенной проверки в мае 1905 г. состоялось собрание, на котором решался вопрос дальнейшего отношения правительства к системе инородческого образования (Бурдина Е.Л., 2007, с. 278–287). В результате правительством было принято решение занять все-таки активную позицию, итогом которой стали правила 31 марта 1906 г. о контроле Министерством народного просвещения за начальными училищами для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России. Мусульманской общественностью были крайне враждебно восприняты принятые правила, так как конфессиональные школы имели свою литературу и программу. Представителями мусульманской общественности было составлено обращение к правительству, в котором очень подробно рассматривались те пунк-

ты правил 31 марта 1906 г., которые особенно противоречат мусульманскому устройству жизни (ЦГИА РБ, ф. 295, оп. 11, д. 347).

Получившие распространение в начале XX в. новометодные школы мало чем отличались от гимназий. К 1910 г. они реализовывали программу светского учебного заведения, заменяя изучение греческого и латинского языка арабским и персидским (Духовные ценности ислама..., 2008). По мнению правительства, данные школы порождают новое поколение мусульманской интеллигенции, которое при этом вызывает определенное опасение в среде царской администрации. В связи с этим в 1912–1913 гг. правительство приходит к выводу о необходимости ограничения преподавания родного языка в школах, так как это способствовало «пробуждению национального самосознания» (Нам И.В., 2000, с. 84). Необходимо также отметить, что число зарегистрированных мусульманских школ, которые ввели классы русского языка и преподавание общеобразовательных предметов, росло очень медленно. Многие мусульманские общества отказывались от введения в своих школах государственного языка, к тому же не хватало учителей, имеющих свидетельство на звание учителя начальных классов. Перед такой проблемой, например, встало в 1913 г. Барнаульское мусульманское общество, где было открыто три начальных школы, но не имелось преподавателей (ГАТО, ф. 126, оп. 1, д. 2508, л. 36–36об., 52–52об., 54).

Таким образом, политика государства в отношении мусульманского населения Российской империи была противоречивой и непоследовательной. Несмотря на вмешательство во все сферы общественной жизни, правительству так и не удалось полностью русифицировать мусульманское население. В Российской империи в рассматриваемый период не сложилось концептуальных представлений на систему конфессионального образования. Отказавшись от системы Н.И. Ильминского, в начале XX в. правительство продолжало активную борьбу и с новометодными школами. Стремясь к контролю за мусульманским населением с помощью назначения приходского духовенства, наблюдается нехватка лиц мусульманского духовного звания в российской армии. Неудачна была попытка и христианизации инородческого населения, чему свидетельствуют процессы массового перехода с конца XIX в., а особенно после Указа 1905 г., в мусульманскую веру. Проводимая государством конфессиональная политика в отношении мусульманских народов привела в начале XX в. к активному отстаиванию ими своих прав и своеобразному положению в государстве. Не способствовало укреплению позиций го-

сударства в мусульманской среде и назначение высшего духовенства (муфтия), поскольку подобного рода действия способствовали в определенной мере обострению государственно-конфессиональных отношений в Российской империи.

P.K. Dashkovskiy, E.A. Shershneva

**THE RELIGIOUS POLITICS OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN RELATION TO THE MUSLIM POPULATION
IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY**

The article discusses the main aspects of the politics of the Russian Empire in relation to the Muslim population in the second half of XIX – early XX century. In this period four-level system of state-confessional relations heading by the Russian Orthodox Church relates Muslims, along with Catholics, Protestants, Buddhists and Jews to the second level of so-called «declared tolerated» denominations. This circumstance predetermined the contradiction and inconsistency of state politics in relation of Muslim communities. Despite the intervention of government in all spheres of public life, the Muslim population of the empire was not completely russified. In mentioned period in Russian Empire the conception of denominational education system was not made. By appointment the parish clergy, the government tried to control the Muslim population, at the same time there was a lack of persons of the Muslim clergy in the Russian army. The attempt of Christianization of people of another faith was not successful and the mass transition to the Muslim faith at the end of the XIX century and especially after the decree of 1905 is the evidence of failure of such attempt. The appointment of clergy didn't consolidate the position of the state in the Muslim community, such actions have contributed the aggravation of state-confessional relations. Finally, the confessional politics in relation to Muslim people conducted by the state led to assertion their rights and original position in the state.

Key words: *Russian Empire, state-confessional politics, Muslims, Siberia.*

Библиографический список

Абаева А.З. Исламские традиции в жизни томских татар // Ислам в культурном ландшафте России: история и современность. Томск, 2002. С. 78–85.

Абдуллин Х.М. Мечети и мусульманское духовенство для военнослужащих в Российской империи // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): мат. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 206–210.

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX в. Уфа, 1999.

Алексеев И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) // Религиоведение. 2002. №2. С. 29–40.

Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень; М., 2003. 258 с.

Бакиева Г.Т. Приходское духовенство у сибирских татар в XVIII – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. №7. С. 166–171.

Бакиева Г.Т. Реформы в системе образования у сибирских татар во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. №8. С. 97–108.

Бессмертная О.Ю., Журавский А.В., Смирнов А.В. и др. Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема. М., 2010. 528 с.

Бурдина Е.Л. Позиции российского правительства по вопросу «инородческого» образования в начале XX в. // Вопросы образования. 2007. №3. С. 278–287.

Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.

Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. 224 с.

Васильев Д.В. История исламской политики в Российской империи // Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия: ежегодный науч.-аналит. бюллетень. Н. Новгород, 2005 [Электронный ресурс]. URL: www.idmedina.ru/books/materials.

Воробьева Е.И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Исторический ежегодник. 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles>.

Глухарев М. Мысли о способах к дальнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской империи. М., 1894.

Дамешек И.Л. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2005. С. 257–266.

Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986. 168 с.

Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Проблема формирования военного мусульманского духовенства в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Религиоведение. 2012а. №3. С. 24–29.

Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Снижение авторитета духовенства в мусульманских общинах Западной Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи в XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2012б. №4/1 (76). С. 241–244.

Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиции и современность / отв. ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. 246 с.

Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006а. 462 с.

Загидуллин И.К. Пятивременные и соборные (джами) мечети в округе Оренбургского магометанского духовного собрания // Мечети в духовной культуре татарского народа (XVIII в. – 1917 г.): мат. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006б. С. 93–123.

Карих Е.В. Проникновение казахов на Алтай в XIX в. и их хозяйственное взаимодействие с русскими // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2003. Вып. 5. С. 49–52.

Кобзев А.В. Возникновение мусульманских общин у «отпавших» крещеных татар Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Историко-этнографические исследования Симбирского Поволжья: сб. ст. / под ред. А.Н. Зорина. Ульяновск, 2002. С. 53–60.

Конев А.Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 303–319.

Леттецкая О.М. Иностранное земледелие в Томской губернии: истоки аграрной проблемы начала XX в. // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Деминой, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 30–36.

Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.) Барнаул, 2010. 195 с.

Мавлютова Г.Ш. Об обращении в православие татар Западной Сибири // Тюркские народы: мат. V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск, 2002. С. 195–197.

Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Ислам в России в XVIII – начале XXI в.: модернизация и традиции. Н. Новгород, 2011. 282 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/school-book/?3479>.

Наганова Н. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: Махалля по юрисдикции Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: мат. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 101–128.

Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области) / под ред. Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова. Томск, 2000. С. 73–86.

Октябрьская И.В. Крещеные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX–XX вв. // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск, 2005. С. 78–92.

Октябрьская И.В. Ислам и православие: опыт взаимодействия в свете стратегий межэтнической коммуникации (на примере казахов Алтая) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межэтнической коммуникации

(XVII – начало XX в.): сб. ст. / отв. ред. А.В. Бауло. Новосибирск, 2008. С. 340–359.

Октябрьская И.В., Осипова Л.П., Нечипоренко О.В. Туратинские казахи. Судьбы национальных меньшинств России // Этнография Алтая и сопредельных территорий: мат. науч.-практ. конф. / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2001. Вып. 4. С. 29–34.

Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповедания (концепция) // Вопросы религии и религиоведения. Приложение к журналу «Государство, религия, церковь». М., 2009. Ч. 4, вып. 1.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1852. Собрание II. Т. XXVI, ч. 1. 752 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1890. Собрание III. Т. VIII. 641 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1901. Собрание III. Т. XVIII, ч. 1. 1120 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1903. Т. XXI, ч. 1.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1908. Собрание III. Т. XXV. 966 с.

Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 2. 757 с.

Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 5. 780 с.

Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 11, ч. 1. 178 с.

Сенюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных силах России: история и современность // Рамазановские чтения: науч.-богослов. сб. ст. и лекций. Н. Новгород, 2006. №1. С. 166–177.

Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, М.М. Дамешек, В.П. Зиновьев, А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова, В.П. Шахеров, М.В. Шиловский. М., 2007. 368 с.

Султангалиева А. Эволюция ислама в Казахстане // Воронежский тюркологический сборник. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 5–29.

Тихонов А.К. Исламский фактор в Поволжье в 1860–1870-е гг. // Отечественная история. 2007. №3. С. 60–65.

Томилов Н.А. Общественный быт и духовная культура томских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 137–167.

Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск, 1983. 215 с.

Томилов Н.А. Проблемы этнической истории (по материалам Западной Сибири). Томск, 1993. 222 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск, 1992. 271 с.

Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX в.). Казань, 2002. 488 с.

Шашков С.С. Собрание сочинений. СПб., 1898. Т. 2.

Шерстова Л.И. Влияние государственной политики на этнические процессы в Южной Сибири в первой половине XIX в. // ЭО. 2000. №4. С. 102–108.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005. 311 с.

Шершнева Е.А. Некоторые факторы, влияющие на возвращение крещеных инородцев в мусульманскую веру в XIX – начале XX в. в Западной Сибири // Религия в истории народов России и Центральной Азии: мат. Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. Барнаул, 2011. С. 215–218.

Ядринцев Н.М. Сочинение: в 2 т. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000. 336 с.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. 555 с.

А.С. Жанбосинова

*Восточно-Казахстанский госуниверситет им. С. Аманжолова,
Усть-Каменогорск*

КАМПАНИЯ ПО ИЗЪЯТИЮ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 20-е гг. XX в. КАК МЕТОД БОРЬБЫ С КУЛЬТОМ

Исследуются вопросы, связанные с политикой советской власти к религии как следствие победы партии большевиков и реализации нового атеистического курса через оформление правового поля с целью ликвидации культа. Анализ принятых законодательных актов, архивных документов демонстрирует безапелляционное отношение власти к представителям религиозного культа в центре и политику заигрывания с мусульманским населением на окраинах Советского государства. Кампания по изъятию церковных ценностей рассматривается в призмах и во взаимосвязи с попыткой оказать помощь голодающим: если церковь занималась благотворительностью, помогая умирающему населению от голода, то власть под прикрытием спасения голодающего населения грабила религиозные учреждения.

Ключевые слова: религия, культ, репрессии, церковные ценности, ислам, шариат, голод, законодательство.

Политическая реформация 1991 г., парад суверенитетов коренным образом изменили отношение к религии, которая заняла пустующую нишу низвергнутых социалистических идеалов, но вместе с тем отсутствие национальной идеи и веры в новые идеалы обращает людей к всевышнему. Религия и религиозные объединения стали частью не только казахстанского общества, аналогичная картина наблюдается на всем постсоветском пространстве, за исключением Украины, где возникли новые идеалы независимости. Религия стала за-